

СМЫСЛОПОРОЖДЕНИЕ И ПРОБЛЕМЫ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ВЫСКАЗЫВАНИЯ В РАЗНЫХ ТИПАХ ДИСКУРСА

В.С. Ли (Казахстан, Алматы)

ДИСКУРС ПРАВА VS. ПРАВО ДИСКУРСА: СПОРНЫЙ ТЕКСТ И ЕГО ИНТЕРПРЕТАЦИЯ

Как известно, в многочисленных определениях дискурса исходным, собственно языковым субстратом этого лингвистического понятия признается текст: «Дискурс – это текст, взятый в событийном плане», «Д. – это текст в совокупности с экстралингвистическими факторами», «Д. – это единство текста и внелингвистических условий и средств его реализации» и др. (мы не указываем авторов приведенных дефиниций и источники, из которых они взяты, так как такие определения и их многочисленные варианты стали хрестоматийными). Не отрицая наличия взаимосвязи (в онтологии) между текстом и дискурсом, для решения теоретических и прикладных задач не менее важным и перспективным представляется подход, при котором текст и дискурс как категории языкового общения рассматриваются как противоположные и одновременно взаимообусловленные и взаимодействующие системы: «...в ходе общения те его элементы, которые сначала выступают фигурами действительности, на следующих этапах уже могут служить для дискурса интровертивной составляющей общения – текстом; то, что первоначально возникло как экстравертивная фигура – дискурс, в дальнейшем может служить текстом – основой для реализации нового дискурса, и т.д.» [Прохоров 2009: 45]. Такое взаимодействие и противоречие между текстом и дискурсом во многом моделирует обыденную жизнь человека (действительность), прежде всего ситуации, связанные с речевыми конфликтами.

Конфликты, крупные или мелкие разбирательства, житейские ссоры и недоразумения от неверно или необдуманно сказанного слова в той или иной мере сопровождают обыденную жизнь человека, жизнь любого социального объединения. Это во многом вызвано тем, что, как писал Ф.И. Тютчев, «Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется». Эти строки великого поэта и мыслителя передают, вместе с тем, философское отношение к тайнам речетворчества, к магии слова и языка как особой самодостаточной, животворящей сущности, порой неподвластной человеку, поскольку он живет в мире языка, мыслит его категориями. Находясь во власти языка, человек, действительно, не всегда может предвидеть, как его слово «отзовется» в сознании другого, так как тот, по словам другого великого мыслителя В. фон Гумбольдта, в речи услышанной «может открыть что-то еще неведомое, а чувство – всегда по-новому воспринять что-то еще не прочувствованное». Именно иное, чем предполагал говорящий, восприятие сказанного слова порождает, в лучшем случае, непонимание, а в худшем, – то, что принято называть коммуникативной неудачей, нередко приводящей не только к рядовой ссоре, но и к более серьезным речевым конфликтам или информационным спорам.

Спорные тексты, начиная с текстов, фиксирующих обыденные речевые ситуации, кончая текстами юридических документов, в повседневной жизни могут «отозваться» не всегда безобидно, поскольку они иногда воспринимаются совершенно не так, как предполагал автор текста. Речевые конфликты в таких случаях, к сожалению, приводят к серьезным последствиям, связанным с разного рода разбирательствами, крайней формой которых выступают судебные.

Судебные разбирательства, в основе которых лежат речевые конфликты, в современной жизни чаще всего происходят с публикациями в СМИ, потому что они касаются как отдельной личности, так и всей общественности. А это требует привлечения к разбирательствам уже многих лиц, и не только участников конфликтов и юристов, но и специалистов, которые профессионально могут «предугадать» и установить, как и почему сказанное и написанное слово «отозвалось» именно так, а не иначе. Понятно, что такую работу может выполнить только лингвист, но не любой, а лишь тот, кто в совершенстве владеет современным научным аппаратом и методикой лингвистической экспертизы как особого рода судебной экспертизы. В противостоянии «дискурс права – право дискурса» в ситуации речевого конфликта решающее слово принадлежит не судье-юристу, а судье-лингвисту.

Необходимость в проведении лингвистического исследования и лингвистической экспертизы спорного текста при речевых конфликтах и информационных спорах постоянно возрастает, о чем свидетельствуют многочисленные и все увеличивающиеся обращения к лингвистам-исследователям и лингвистам-экспертам со стороны юридических и физических лиц, судей и адвокатов, редакций печатных и электронных средств массовой информации, журналистов, а также от отдельных лиц, о которых содержится негативная информация в спорном тексте. С другой стороны, практика и опыт работы по экспертизе конфликтного текста свидетельствуют о том, что не всегда лингвист (специалист с базовым филологическим образованием) может квалифицированно и объективно провести исследование конфликтного текста, поскольку, помимо собственно научного опыта и научных знаний, ему необходимо разбираться в вопросах так называемой юрелизы естественного языка, в проблемах специфики его функционирования в юридической сфере, а также в вопросах праворегулирования и правоприменения при проведении судебно-лингвистической экспертизы. Таким образом, лингвистическая экспертиза имеет два основных аспекта – собственно лингвистический и юридический.

Вопросы исследования спорного текста как источника речевых конфликтов органично вплетаются в контекст проблематики современной лингвистики. Более того, можно считать, что такое направление, как лингвистика текста со своим уже сложившимся научным аппаратом, с богатейшим опытом изучения текстов разных типов и жанров, начинает уделять особое внимание прикладным аспектам лингвистического анализа текста, в том числе и для решения юридических задач.

Интенсивные разработки юридического аспекта анализа спорного текста ведутся в рамках дискурсивного подхода к языку (изучение юридического дискурса как особого языка), юрислингвистики, судебной экспертизы (см., в частности, работы [Баранов 2009]; [Ли и др. 2008]; [Функционирование русского языка в юридической сфере 2010] и др.). Все это свидетельствует о лингвистическом экспансионизме, о «вторжении» лингвистики в другие отрасли гуманитарного знания, с одной стороны, и существенном изменении облика самой лингвистики, расширении ее предметной области. Без учета этих изменений нельзя не только четко ориентироваться в проблематике лингвистики как науки, но и, главное, успешно решать практические задачи, в том числе и задачи по исследованию и экспертизе текста. Таким образом, знание современного состояния науки о языке, ее научно-исследовательского аппарата – неперемное условие квалифицированной экспертизы юридического материала как источника конфликтной ситуации.

Юридическая практика свидетельствует о том, что многие вопросы по проведению судебно-лингвистической экспертизы требуют не только четкого юридического регулирования, но и собственно лингвистического обеспечения при их решении. Спорный текст, являющийся продуктом вербальной деятельности коммуникантов и объектом лингвистического исследования, осуществляемого с целью оказания помощи при решении правовых конфликтов, необходимо рассматривать в соответствии с требованиями самой юриспруденции, с одной стороны, и с положениями лингвистики как отрасли научного знания, с другой. Эти два аспекта исследования спорного текста должны иметь в виду все: инициаторы проведения экспертизы и лингвисты, проводящие исследование или экспертизу.

Собственно лингвистическая сторона исследования спорного текста предполагает анализ его как целостного речевого произведения, а также отдельных его фрагментов или отдельных языковых единиц. Совершенно ясно, что такой анализ можно сделать лишь на основе и с помощью современного научного и понятийного аппарата лингвистики, чрезвычайно сложного, но вместе с тем точного и обладающего большой объяснительной силой. Эксперт-лингвист прежде всего имеет дело со спорным текстом не как с юридическим документом, а с текстом как таковым, требующим анализа и описания. Естественно, каждый спорный текст содержит присущие лишь ему высказывания, слова, ставшие источником конфликтной ситуации при вербальной коммуникации. Однако природа таких ситуаций и юридическая их квалификация, как известно, определяются предварительно инициаторами проведения лингвистической экспертизы, благодаря этому можно говорить о каких-то стандартных конфликтных ситуациях, определенным образом идентифицируемых юридическими сторонами. В зависимости от типа ситуации можно более или менее определенно судить о круге заданий и вопросов, подлежащих рассмотрению экспертами-исследователями и действительно входящих в их компетенцию. Естественно, каждый тип конфликтной ситуации требует строго определенного перечня таких заданий и вопросов, однако в любом случае эксперт-лингвист при исследовании спорного текста должен учитывать природу языка, его антропоцентричность.

Антропоцентричность языка, его принадлежность человеку и «манипулирование» обыденным сознанием человека вызваны принципиальным свойством языка, которое в лингвистике называется избыточ-

ностью языка, следствием ее выступает потенциальная множественность интерпретации речевых произведений (это свойство речевых произведений мы называем правом дискурса), что нередко приводит к коммуникативным неудачам или коммуникативным конфликтам. Решение подобных конфликтов входит, как известно, в компетенцию юридической науки, одной из задач которой является преодоление «избыточности» естественного языка, неоднозначного понимания сказанного или написанного. К числу же центральных задач относится формирование и регулирование собственно юридического языка, т.е. задача преобразования естественного языка в юридический. Для этого у правовых (юридических) отраслей знания имеются свой научный инструментарий и осознание необходимости своей стратегии, «... с одной стороны, стратегии повышения уровня правосознания рядовых граждан и, следовательно, уровня владения ими юридическим языком, с другой стороны, - повышения уровня лингвистических знаний профессиональными юристами, в частности, осознания ими закономерностей обыденного толкования речевых произведений, в частности, его необходимо субъективного характера, неизбежной ориентации на бытовые концепты, вследствие чего вынуждается «разъюрисдизация» текста закона» [Голев 2000: 26]. Кроме «разъюрисдизации» текстов законов, не менее важной и существенной представляется задача «юрисдизации» естественного языка, перевода его в юридическую плоскость, связанного с формированием у носителей и пользователей языка однозначного понимания тех или иных языковых формаций, без чего невозможно вообще праворегулирование.

Конфликтные ситуации при вербальной коммуникации чаще всего возникают при неоднозначном толковании текста, отдельного его фрагмента или отдельного предложения. В таких случаях каждая из сторон интерпретирует спорные места, сообразуясь с собственными интересами и с собственным пониманием того или иного места, хотя не исключено и иное прочтение оспариваемой языковой единицы. При «разъюрисдизации» текста закона лингвист-эксперт имеет дело не с конкретной правовой ситуацией, а с определенным речевым произведением, требующим соответствующего анализа. Для иллюстрации этого положения приведем фрагмент из заключения, связанного с толкованием статьи 20 Закона Республики Казахстан «О конкуренции»: «Дискредитацией субъекта рынка является распространение в любой форме заведомо ложных, недостоверных сведений, связанных с деятельностью субъекта рынка».

Одна из спорящих сторон (истец) считает, что слово «заведомо» связано лишь со словом «ложный», но не словом «недостоверный», тем самым утверждает, что распространение любых (сделанных с умыслом или нет) не соответствующих действительности сведений относится к понятию «дискредитация». Ответчик же считает, что «заведомо» относится и к слову «ложный», и к слову «недостоверный» и, соответственно, утверждает, что правонарушением признается только распространение тех недостоверных сведений, которые сделаны с умыслом («заведомо»). Вот отрывок из заключения лингвиста.

«Качественное наречие *заведомо*, обозначая признак действия или признак признака, может сочетаться с глаголами (*заведомо говорить неправду*) или с прилагательными, обычно качественными (*заведомо ошибочный, заведомо несправедливый, заведомо недостоверный*). Для того, чтобы установить, к какому слову (*ложный* или *недостоверный*) примыкает наречие *заведомо*, необходимо произвести дистрибутивный анализ, т.е. установить непосредственно составляющие (НС) высказывания, а именно, определить, с каким словом в непосредственных синтаксических связях находится анализируемая единица. В данном конкретном случае анализ по НС можно представить в следующей скобочной записи:

{Заведомо [(ложные, недостоверные) сведения]}

Из этой записи анализа по НС видно, что в непосредственных синтаксических связях находятся прилагательные *ложные* и *недостоверные*, образуя единый блок однородных определений. И в качестве единого блока эти однородные определения входят в непосредственные синтаксические отношения со словом *сведения*, образуя следующий блок: (*ложные, недостоверные сведения*). Слово *заведомо* примыкает ко всему этому синтаксическому объединению, т.е.: [*заведомо (ложные, недостоверные сведения)*]. Таким образом, дистрибутивный анализ выражения *заведомо ложные, недостоверные сведения* показывает, что наречие *заведомо* входит в непосредственные синтаксические отношения и со словом *ложный*, и со словом *недостоверный*. В синтаксической науке такие выражения, как *заведомо ложные, недостоверные сведения*, принято называть трансформами ядерных (исходных) конструкций, а именно: *заведомо ложные* и *заведомо недостоверные*.

В отличие от рассмотренного случая с однородными определениями, синтаксические конструкции с неоднородными определениями создаются из иных ядерных блоков. Так, выражение *заведомо ложные*

свидетельские показания имеет совершенно другую деривационную историю, что можно установить также из анализа по НС, и это в скобочной записи будет выглядеть следующим образом:

{[(Заведомо ложные) свидетельские] показания}

Из этой записи видно, что наречие *заведомо* находится в непосредственных синтаксических связях лишь со словом *ложные*, но не со словом *свидетельские*. И это объясняется тем, что прилагательные *ложный* и *свидетельский* относятся к разным разрядам по значению (*ложный* – к качественным прилагательным, а *свидетельский* – к относительным). На письме такие синтаксические отношения между неоднородными определениями передаются отсутствием запятой между определениями, в данном случае – между словами *ложный* и *свидетельский*.

Более сложный научный аппарат приходится использовать при интерпретации спорных текстов, в которых «право дискурса» распространяется на глубинные, логико-смысловые отношения, составляющие предметно-содержательную основу того или иного документа. Наиболее показательны в этом отношении конфликты, связанные с неоднозначным толкованием текстов деловых документов – договоров между хозяйственными субъектами, контрактов на совершение каких-либо действий, различного рода обязательств и т.п. Чаще всего один и тот же пункт договора спорящие стороны интерпретируют по-разному. В качестве примера приведем сокращенный вариант заключения лингвиста, связанного с толкованием такого пункта контракта: «...затраты, понесенные компанией в связи с приобретением акций в соответствии с Договором о купле-продаже». Истец считает, что в затраты, понесенные компанией, не входит стоимость приобретенных акций. Ответчик (компания) включает в свои затраты и стоимость приобретенных акций. Приводим текст заключения с указанием вопросов, вынесенных судом на рассмотрение лингвистической экспертизы.

«Вопрос 2. Какие логико-смысловые отношения передаются в русском языке с помощью предлога *в связи с*?

Предлог *в связи с* передает в русском языке причинно-следственные отношения и обычно употребляется в официально-деловом, научном стилях речи: *Договор между сторонами был продлен (утратил свою силу и т.д.) в связи с истечением срока его действия. Традиционная научная концепция была отвергнута в связи с обнаружением новых фактов.* В логико-смысловом отношении этот предлог является одним из средств языкового выражения логической операции импликации, устанавливающей отношение истинности между двумя высказываниями о событиях, фактах. Предлогу *в связи с*, рассматриваемому в качестве категории мышления, соответствует логическая связка, с помощью которой передается отношение следования «если... то». Необходимо также иметь в виду, что импликация как логико-лингвистическая операция используется лишь по отношению к событиям, ситуациям, фактам, но не к отдельным предметам и явлениям. В исследуемом документе такая связь устанавливается (с помощью логической связки *в связи с*) между двумя событиями: 1) ‘некто купил акции за N долларов’; 2) ‘некто затратил N долларов на покупку акций’. Истинность высказывания, передающего событие 1), следует лишь в том случае, если истинным будет высказывание, передающее событие 2), и наоборот. Из этого следует, что компания, купив акции за N долларов (событие 1), затратила именно N долларов.

Вопрос 3. Каково содержание выражения «затраты, понесенные компанией в связи с приобретением акций в соответствии с Договором о купле-продаже»?

Анализируемое выражение в контексте всего документа следует рассматривать как осмысленное высказывание, описывающее определенную ситуацию. Эту ситуацию, ее участников и все обстоятельства, связанные с ними, можно выразить в виде следующего сценария:

‘X заключил договор с Y’

‘договор обязывает X-а передать Y-ку деньги в сумме N долларов’

‘X передал Y-ку деньги в сумме N долларов’

‘Y передает акции X-у’

‘X получил акции от Y-ка’

‘деньги в сумме N долларов составили затраты, которые понес X’

Приведенная семантическая запись демонстрирует сущность того понятия, которая в тексте Контракта передается словом *затраты*.

Вопрос 4. Следует ли из положения Контракта «затраты, понесенные компанией в связи с приобретением акций», что в затраты компании входит стоимость самих акций?

Для ответа на поставленный вопрос необходимо установить все синтаксические и логико-смысловые связи, которые передаются в анализируемом фрагменте текста. Выражение *затраты, понесенные компанией* представляет собой трансформацию (преобразование) исходного высказывания *Компания понесла затраты* (о ситуации, выраженной словом *затраты*, см. в ответе на вопрос 3). Выражение *приобретение акций* является номинализацией (преобразованием целого высказывания в именную группу) предложения *Компания приобрела акции*. Слово *приобрела* в данном тексте по значению тождественно слову *купила* (см. ответ на вопрос 2), что дополнительно подчеркивается в тексте Контракта выражением *в соответствии с договором о купле-продаже*, которое находится в непосредственной синтаксической связи со словом *приобретение*: *приобретение в соответствии с договором о купле-продаже*. Итак, понятие, выраженное словом *затрата*, относится к двум фактам: 1) «компания приобрела (купила) акции, стоимость которых оговорена в договоре о купле-продаже»; 2) «компания понесла затраты». Отношения между этими двумя фактами в тексте Контракта передаются с помощью предлога *в связи с*. Этот предлог в русском языке выражает причинно-следственные отношения, связанные с логической операцией импликации (см. ответ на вопрос 2). Из этого следует, что высказывание 1) будет истинным в том и только в том случае, если истинным будет высказывание 2). Это значит, что под словом *затраты* следует понимать деньги, заплаченные компанией в размере стоимости акций, т.е. стоимость самих акций следует отнести к затратам компании.

Ответ на поставленный вопрос требует некоторых уточнений, связанных с установлением причины неоднозначного толкования отдельных пунктов Контракта. В данном случае имеется в виду выражение *в связи с приобретением акций*. Приобретение как событие действительности представляет собой совокупность целого ряда действий, сопутствующих основному действию, в данном случае – акту передачи денег для получения чего-либо. Установить точно, какие именно сопутствующие действия (по отношению к рассматриваемой ситуации это могут быть оформление документов, проверка достоверности сведений, предоставляемых продавцом и др.), по тексту Контракта невозможно. Эти фоновые знания, именуемые в лингвистике пресуппозицией, необходимо учитывать при исследовании текста. Такие знания уточняющего и конкретизирующего характера в текстах рассматриваемого типа передаются с помощью специальных слов, выражающих логические операции включения, исключения, пересечения и др., а именно: *включая, в том числе, кроме, исключая, в частности* и т.п. уточняющие слова. Например:

*затраты, связанные с приобретением акций, **включая** затраты, вызванные необходимостью проведения экспертизы;*

*затраты, понесенные компанией в связи с приобретением акций, **исключая** затраты, связанные с оформлением документов в юридических органах;*

*затраты, связанные с приобретением акций, **в том числе** и затраты, вызванные необходимостью проведения экспертной оценки качества добываемой на месторождении нефти и т.п.*

В исследуемом тексте такие уточняющие конструкции отсутствуют, что полностью исключает возможность иного толкования анализируемых выражений, чем того, которое приведено выше.

Таким образом, анализ текста Контракта показывает, что в затраты, понесенные компанией в связи с приобретением акций, входит и стоимость самих акций».

Приведенные фрагменты из экспертиз документов подтверждают положение о том, что лингвистическое исследование конфликтного текста проводится только для решения прикладных задач, связанных с правовыми отношениями между людьми: «Экспертиза не претендует на полное и исчерпывающее исследование текста, это не входит в ее задачи – оптимальным для экспертного исследования является описание текста, при котором в результирующем представлении зафиксированы только существенные характеристики, которые могут иметь юридические последствия. Правонарушения, совершаемые с помощью языка, могут быть квалифицированы по той или иной статье закона только с опорой на текст, следовательно, назначаемое по конкретному тексту экспертное исследование призвано дать такие ответы, на основании которых будет осуществляться квалификация конкретного правонарушения» [Матвеева 2007: 372]. Тем не менее, несмотря на прикладной характер, экспертное исследование спорного текста не может быть выполнено квалифицированно без использования научного аппарата современной лингвистики, обладающего огромной объяснительной силой, которую следует использовать в качестве доказательной базы при решении юридических задач.

Литература

Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика. М.: Флинта: Наука, 2009.

Голев Н.Д. Юридизация естественного языка как лингвистическая проблема // Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2000. С. 8-40.

Ли В.С. и др. Лингвистическое исследование конфликтного текста в юридической практике / Карымсакова Р.Д., Тапалова Р.Б. Алматы: Казахский университет, 2008.

Матвеева О.Н. Экспертное исследование конфликтного текста как правового правонарушения // Теория и практика судебной экспертизы в современных условиях. Материалы международной научно-практической конференции. М., 2007. С. 372-377.

Прохоров Ю.Е. Действительность. Текст. Дискурс. М.: Флинта: Наука, 2009.

Функционирование русского языка в юридической сфере и вопросы лингвистической экспертизы // Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского языка: Труды и материалы. М., 2010. С. 751-767.

О.С. Андреева (Россия, Волгоград)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Современный процесс обучения открывает студентам доступ к нетрадиционным источникам информации, которые дают совершенно новые возможности для творчества, осмысления и закрепления новых знаний и умений. Одна из сложнейших задач, которые стоят перед преподавателем русского языка как иностранного при работе со студентами 1 и 2 курсов, состоит в том, чтобы помочь им научиться строить свой ответ по заданной теме в форме монолога. Необычный подход к использованию иллюстративного материала позволяет отчасти снизить сложность поставленной перед иностранным учащимся задачи и способствует более быстрому «выходу» в учебный монолог.

Порождение монологического высказывания – это особое и сложное умение, которое необходимо специально формировать. Обучение должно быть направлено на обработку правильности структурно-грамматического, лексического и стилистического построения высказывания, логической последовательности, а также на соответствие речевого высказывания коммуникативной цели, ситуации. Проблема мотивированности речи становится одной из центральных, и методисты ищут приёмы и формы учебной деятельности, вызывающие потребность говорить. Одна из форм – игра. Положительной стороной игры является то, что, будучи творческой по своему характеру, она активизирует мыслительную деятельность учащихся и способствует развитию творческого отношения к языку. Игры, которые способствуют запоминанию языкового материала, очень важны в процессе обучения русскому языку как иностранному. «Заучить» слово это ещё не значит научиться его употреблять [Акишина 2004: 56].

В рамках программы первого курса первого семестра мы изучаем такие темы, как «Внешность. Портретные характеристики человека», «Характер человека». В зависимости от целей обучения и мотивировки учащихся отбирается тренировочный и иллюстративный материал (различные виды текстов, предназначенных для рецептивных и продуктивных видов речевой деятельности), составляются упражнения для выработки навыков и умений, их закрепления и контроля. Учащимся даётся необходимый языковой материал (лексические, синтаксические и морфологические модели, часто используемые в рамках данных тем), который позволяет наиболее полно охарактеризовать того или иного человека, по его внешним данным предположить примерно его возраст и характер, настроение в данный момент времени.

В процессе работы по теме «Внешность» мы активно используем пособие И.В. Одинцовой «Что Вы сказали? Книга по развитию навыков аудирования и устной речи для изучающих русский язык». В нём хорошо представлен речевой материал по теме, который, в свою очередь, отражён в иллюстрациях. Для студентов из разных стран данная тема в рамках программы 1 курса очень актуальна. Они входят в новый коллектив, в котором им предстоит учиться 5 – 6 лет, активно знакомятся со студентами и новыми преподавателями, им надо за короткое время «запомнить» множество новых лиц и имён.